

**ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ
АКАДЕМИКА РАН В.С. НЕРСЕСЯНЦА
(Всероссийская научная конференция с международным участием)**

© 2023 г. И. П. Кожокар*, В. В. Лапаева**

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

*E-mail: 89272234877@mail.ru

**E-mail: lapaeva07@mail.ru

Поступила в редакцию 20.11.2022 г.

Аннотация. 28–29 октября 2022 г. в Институте государства и права Российской академии наук состоялась Всероссийская научная конференция с международным участием «Философско-правовые чтения памяти академика РАН В.С. Нерсисянца», посвященная теме «Правовое развитие России: прошлое, настоящее, будущее». На конференции были рассмотрены проблематика, включающая в себя роль отечественной и зарубежной философии права в правовом развитии России; актуальные теоретические проблемы правоприменения; вопросы совершенствования юридической догматики; направления развития юридического образования в России. В Философских чтениях приняли участие представители ведущих научных и учебных учреждений страны, а также исследователи из Республики Беларусь.

Ключевые слова: правовое развитие, философия права, В.С. Нерсисянец, либертарно-юридическая теория, принцип формального равенства, концепция цивилизма, догма права, юридическое образование.

Цитирование: Кожокар И.П., Лапаева В.В. Философско-правовые чтения памяти академика РАН В.С. Нерсисянца (Всероссийская научная конференция с международным участием) // Государство и право. 2023. № 2. С. 194–203.

DOI: 10.31857/S102694520024325-8

**PHILOSOPHICAL AND LEGAL READINGS OF MEMORY ACADEMICIAN
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES V.S. NERSESYANTS
(All-Russian Scientific Conference with international participation)**

© 2023 I. P. Kozhokar*, V. V. Lapaeva**

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

*E-mail: 89272234877@mail.ru

**E-mail: lapaeva07@mail.ru

Received 20.11.2022

Abstract. The All-Russian Scientific Conference with international participation “Philosophical and law readings of memory Academician of the Russian Academy of Sciences V.S. Nersesyants” devoted to the theme “Law development of Russia: past, present, future” was held on the 28–29 of October 2022 at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. In the conference considered the problems, including the role of domestic and foreign Philosophy of Law in the law development of Russia; actual theoretical problems of law enforcement; issues of improvement of legal dogmatics; directions of development of law education in Russia. The Philosophical readings were attended by representatives of the leading scientific and educational institutions of the country, as well as researchers from the Republic of Belarus.

Key words: law development, Philosophy of Law, V.S. Nersesyants, libertarian law theory, the principle of formal equality, the concept of civilism, legal dogma, law education.

For citation: Kozhokar, I.P., Lapaeva, V.V. (2023). Philosophical and legal readings of memory Academician of the Russian Academy of Sciences V.S. Nersesyants (All-Russian Scientific Conference with international participation) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 194–203.

В октябре 2022 г. в Институте государства и права Российской академии наук состоялись очередные ежегодные Философско-правовые чтения памяти академика РАН В.С. Нерсисянца, посвященные актуальным проблемам правового развития России. В Философских чтениях, прошедших в формате Всероссийской конференции с международным участием, наряду с представителями ведущих научных и учебных учреждений страны приняли участие исследователи из Республики Беларусь. Особенность данных Чтений заключалась в том, что рассмотренная на них проблематика не ограничивалась вопросами отечественной и зарубежной философии права, а включала в себя также темы, связанные с актуальными проблемами теории права и юридического образования в России.

Первое выступление было посвящено памяти ушедшего из жизни в 2022 г. д-ра юрид. наук, проф. В.Г. Графского — организатора и бессменного руководителя Философско-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсисянца. С докладом на тему *«Идея интегральности правопонимания в контексте антропологической концепции права (памяти Владимира Георгиевича Графского)»* выступил канд. юрид. наук В.И. Павлов (Академия МВД Республики Беларусь). Он отметил, что история осмысления проблемы интегральности и интегративности правопонимания включает в себя два этапа. Первый этап связан с попыткой разработки интегративного, синтетического подхода к праву в юриспруденции начала XX в. (Дж. Холл, А.С. Яценко, Г. Дж. Берман и др.), который сочетал бы в себе элементы трех классических типов правопонимания. На рубеже XX—XXI вв. в связи с развитием новейшей методологии юридической науки начала обособываться идея целостной интегральной правовой концепции, которая не просто сочетает в себе элементы трех традиционных типов правопонимания, а строится на определенном эпистемологическом основании, позволяющем непротиворечиво объяснить всю правовую реальность и представить полную картину правовой онтологии. Одним из первых в начале 2000-х годов возможность интегральной юриспруденции обосновывал проф. В.Г. Графский, опиравшийся при этом на антропологический подход к праву, в рамках которого базовым элементом правовой онтологии является человек, рассмотренный в качестве не только субъекта права, но в более широком контексте — в качестве правового деятеля. Такой подход к анализу правовой реальности связан с интегральной идеей человекомерности права, согласно которой право и все правовые явления рассматриваются в связи с человеком как правовым деятелем. Помимо правового деятеля базовыми элементами антропологического правопонимания также являются норма права и факт правовой жизни, которые

рассматриваются как правовые явления, имманентно связанные с природой человека.

Доктор юрид. наук, проф. С.Н. Бабурин (Институт государства и права РАН) в своем докладе остановился на значении разработанной В.С. Нерсисянцем концепции цивилизма для формирования в России более справедливого общества и подлинно социального правового государства. Концепция цивилизма как постсоциалистической эволюционной ступени общественного развития, отметил он, выражает глубинную приверженность русского народа идее справедливости и его устремленность к такому государственному устройству, которое соответствует идеалу нравственного государства, так хорошо выраженному в русской религиозно-философской мысли. Идеи В.С. Нерсисянца необходимо гармонично совместить с русским Ладом как идеологией духовно-нравственного, основанного на религиозной традиции цивилитарного общества. Наделение каждого гражданина страны равной долей доходов от народно-хозяйственного использования бывшей социалистической (общенародной) собственности создаст социально-экономическую основу для преодоления унижающей человеческое достоинство бедности и несправедливого социального неравенства. Идеал общества, в котором каждый его член с момента рождения обладает минимумом собственности на средства производства, гарантирующим свободное, не деформированное нуждой раскрытие его созидательного творческого потенциала, в полной мере соответствует духовно-нравственному коду русской цивилизации.

Концепции цивилизма В.С. Нерсисянца было посвящено и выступление д-ра юрид. наук В.В. Лапаевой (ИГП РАН), которая предложила рассматривать данную концепцию в качестве правового критерия оценки характера осуществленных в России постсоциалистических преобразований, а также перспектив развития страны с учетом новых реалий, формирующихся с февраля 2022 г. В контексте этих реалий, подчеркнула она, главный вопрос звучит так: *имеет ли сложившаяся ситуация потенциал для развития правовых начал государственной и общественной жизни страны, и если да, то каковы условия его реализации?* Докладчик обосновала тезис о том, что среди ряда неправовых по своей природе событий новейшей истории России, деформировавших ее правовое развитие, важное место занимает неправовой характер преобразования социалистической собственности, обусловивший нелегитимность сложившейся системы собственности со всеми вытекающими отсюда социально-экономическими и политико-правовыми последствиями. Соответственно, именно в этой сфере и следует, по ее мнению, искать возможности для раскрытия правового потенциала постсоциалистического

развития России. Рассмотрев обсуждаемые сейчас подходы к решению проблемы легитимации собственности, она подчеркнула, что за рамками общественного внимания находится правовая модель преобразования социалистической собственности, которая была предложена В.С. Нерсисянцем еще в конце 1980-х годов и затем развита им в концепцию цивилизма как нового общественного строя.

Суть идеи в том, что социалистическая собственность — это по своей природе общенародная, а не государственная собственность, и у государства нет права раздавать ее в частные руки по своему усмотрению. Десоциализация собственности должна была осуществляться в соответствии с правовым принципом формального равенства, гарантирующим каждому гражданину страны равную долю от введения бывшей социалистической собственности в рыночный оборот. Если концепция цивилизма будет реализована, мы получим новый общественный строй с новым типом собственности и права, который есть логическое развитие социализма в духе диалектической логики всемирной истории. Ведь цивилизм с его приращенным правом гражданина на равный с другими минимум собственности на средства производства — это синтез капитализма как общества, основанного на частной собственности немногих, и социализма как общества, отрицающего частную собственность. Если же эта концепция не будет реализована, она останется важным философско-правовым ориентиром и критерием для оценки правового характера происходящих в стране процессов.

Тема цивилизма получила развитие в докладе канд. юрид. наук, доц. Ю.Ю. Ветютнева (Волгоградский государственный университет), который отметил, что в концепции цивилизма, обоснованной в работе В.С. Нерсисянца «Национальная идея России во всемирно-историческом прогрессе равенства, свободы и справедливости», нашел выражение прогностический потенциал разработанного им либертарно-юридического типа правопонимания. Однако при этом, заметил он, наряду с развиваемым В.С. Нерсисянцем гегельянским представлением о естественной необходимости правового прогресса возможен как консервативный подход, отрицающий прогресс, так и сдержанный скептицизм, видящий возможность прогресса только при наличии определенных условий. Основными трудностями понимания правового прогресса сегодня являются: избрание «точки отсчета» при отсутствии или значительном ослаблении абсолютных правовых ценностей и нарастающем релятивизме; нелинейность правового развития с его сочетанием разнонаправленных процессов, имеющих совершенно различный ценностный знак; проблема ценностного измерения, т.е. диагностики изменений в их ценностном значении (особенно, учитывая тот

факт, что правовые ценности имеют строго качественный, но не количественный характер).

Доклад д-ра юрид. наук, проф. А.В. Полякова (Санкт-Петербургский государственный университет) был посвящен философско-правовым аспектам взаимодействия юриспруденции с когнитивными исследованиями и нейронаукой. Докладчик указал, что взгляд на право с позиции коммуникативной теории как на систему когнитивных репрезентаций различных текстов в коммуникациях между людьми соответствует представлениям современной когнитивистики и может получить дополнительное подтверждение в теории генно-культурной коэволюции и в данных нейронаук. Идеи либертарно-юридической теории права В.С. Нерсисянца также могут быть интерпретированы с позиций когнитивистики. Ведь формальное равенство в свободе и справедливости не существуют лишь как отвлеченные идеи ума или как научная интуиция. Они коренятся в биологической и в социальной (в том числе духовной) природе человека, а это предполагает «когнитивно-коммуникативное» равенство в свободе — с осознанием и принятием хотя бы на интуитивном уровне не только справедливости такого равенства, но и ответственности за его несоблюдение. На этом основана идея достоинства человека, вытекающая из аналогичного принятия границ собственной свободы. Укорененность этих начал (свободы, формального равенства, справедливости, достоинства и ответственности) в природе человека может быть продемонстрирована обращением как к выводам упомянутых наук, так и аксиологическими аргументами, опирающимися на возможные философские и даже богословские основания.

Равенство в свободе возможно только тогда, когда есть признание другого как носителя таких же прав и обязанностей. Момент признания как раз подключает когнитивные, в том числе рациональные и эмоциональные, компоненты человеческого сознания, порождаемые деятельностью его мозга. Этот ход мысли вплотную подводит к идее о том, что в основе права лежат некие исходные основополагающие универсалии, программирующие (в вероятностном, но не в причинно-следственном отношении) человеческое поведение и воспринимаемые в качестве неоспоримых, неотъемлемых ценностей, которые в реальной жизни могут маскироваться, искажаться, игнорироваться в патологических состояниях или при деструктивных идеологических воздействиях, но без них само понятие права теряет свой смысл. Их признание и поддержка со стороны общества и государства и отличает право от произвола (выявление критерия для такого различия в идее справедливости формального равенства — одна из важнейших заслуг либертарно-юридической теории права В.С. Нерсисянца).

В свою очередь, борьба за признание в различных формах и на различных уровнях (в первую очередь за правовое признание) составляет содержание человеческой истории. Универсальность этих начал можно продемонстрировать на примере петербургской и московской школ философии права начала прошлого века, которые занимались одним и тем же делом, хотя и по-разному, — возрождали в России естественное право. Из анализа аксиом интуитивного права Л. Петражицкого можно сделать вывод о том, что справедливость заключается в отношении к любому лицу как к лицу правосубъектному, т.е. в соблюдении его прав при условии, что и он свои обязанности по отношению к другим соблюдает. Такое равное и взаимное отношение по признанию других в качестве носителей прав и обязанностей означает и признание за ними равных прав на свободу действий, т.е. констатирует исходное формальное равенство в свободе. Но такие же основания права, только не на уровне интуитивного права, а как результат рационального осмысления основополагающих ценностных оснований, можно найти у П.И. Новгородцева, по утверждению которого, человеческая личность существует только через признание ее равной свободы другими личностями, т.е. на основе взаимного признания. При этом обоих ученых объединяло признание эволюционной теории развития человеческого общества Ч. Дарвина и стремление соотносить с ней свои научные выводы. Современная нейронаука саму возможность и даже необходимость подобного дуального восприятия и права, и справедливости (интуитивного и рационального) объясняет существованием в сознании человека двух систем (Д. Канеман) — интуитивной (которая оценивает действия человека на интуитивном уровне, не прибегая к помощи разумной аргументации) и рациональной (которая может подтвердить интуитивный выбор или опровергнуть его).

Проблемам междисциплинарного взаимодействия юриспруденции и когнитивных наук посвятила свой доклад **канд. юрид. наук, доц. Н.Ф. Ковкель (Белорусский государственный экономический университет)**, выделив при этом несколько периодов в развитии их взаимодействия. К первому периоду, чаще всего именуемому как «нейроправо», формирование которого началось в конце 1990-х годов, был отнесен синтез юридической науки с когнитивной нейробиологией и нейрофизиологией. В рамках нейроправа анализировались самые разнообразные проблемы: от свободы воли и когнитивной свободы, дифференциации юридической ответственности в зависимости от когнитивных состояний и т.д. до проблем использования искусственного интеллекта в области права. Ко второму периоду, который условно можно обозначить как «нейроправа» (термин, введенный в 2017 г.

М. Иэнка и Р. Андорно), был отнесен широко обсуждаемый в публичном пространстве комплекс нейроправ, претендующий на включение в современную систему прав человека. Н.Ф. Ковкель проанализировала две основные версии нейроправ, представленные в современной науке: 1) пять нейроправ (право на личную идентичность, свободу воли, психическую конфиденциальность, справедливый доступ к когнитивному усовершенствованию, защиту от алгоритмической предвзятости), продвигаемых Фондом нейроправ под идейным руководством Р. Юсте; 2) четыре нейроправа (когнитивная свобода, право на ментальную приватность, психическую неприкосновенность, психологическую преемственность), предложенных М. Иэнка и Р. Андорно. Была отмечена недостаточная научная разработанность обеих версий (особенно первой), отсутствие широкого обсуждения юридических аспектов данной проблемы, необходимость детального анализа каждого из предлагаемых прав с позиций приемлемости, разработанных в международном праве прав человека (критериев Ф. Алстона и др.), корреляции с существующей международной системой и механизмами защиты прав человека. Вместе с тем Н.Ф. Ковкель отметила перспективность разработки нейроправ, недопустимость отказа от них из опасений инфляции прав человека, нейроэссенциализма и нейроисключительности (аргументы Я. Бублица). В качестве следующего направления рассматриваемого междисциплинарного взаимодействия предложен синтез юриспруденции с когнитивными науками гуманитарного цикла: когнитивной психологией, когнитивной лингвистикой, когнитивной семиотикой и др. В частности, на примере самой известной теории когнитивной лингвистики — теории концептуальной метафоры — были продемонстрированы векторы исследования концептуальных метафор в праве: метафорического и метонимического переноса как одной из фундаментальных особенностей правового мышления, анализа ориентационных, онтологических и структурных метафор в праве, определения индекса метафорического воздействия на сознание и подсознание человека и др. С целью усиления критического анализа обозначены возможности применения контекстных ментальных моделей, разработанных Т. ван Дейком, к исследованию правового дискурса, особенно дискурса о правах человека.

Доктор юрид. наук, проф. Д.В. Дождев (Исследовательский центр частного права при Президенте РФ) в докладе «*Казуистика и система права*» обратил внимание на то, что теоретико-познавательное направление юридического знания обладает не меньшей функциональной значимостью для правовой системы, чем практико-казуистическое. Ограниченность прямой субсумпции неизбежно

мобилизует индуктивные подходы для более точного понимания гипотезы нормы позитивного права, выявления ее пределов, уточнения, адаптации к данному фактическому составу, телеологического толкования или обращения к аналогии. Аналогизм как метод правоприменения, известный еще в Античности, позволяет снять зависимость от текущей неповторимости действительности, от единичности факта (аномализм как антипод аналогизма) и повысить уровень абстракции, оправдывая широкое толкование и приложение нормы к большому кругу случаев. Этот же метод раскрывает подлинные возможности нормы по учету неповторимой фактичности отдельного дела и приближению гипотезы к составу данного случая: формируется особый подвид нормы, ориентированный на конкретный состав, конкретная норма, норма, управляющая данным делом и поэтому способная учитывать его специфику. Такая норма — непосредственный продукт системного подхода, правоприменительный прорыв последовательной реализации юридического метода: приравняемое (с высоты всеобщего) в отдельных делах выявляет значение отдельного (единичного) для нахождения подлинной справедливости, т.е. справедливости, отвечающей специфике казуса. Учет отдельного предстает способом верификации всеобщего (нормативного) и формой приближения нормы к конкретным интересам и обстоятельствам.

Рассмотрение фундаментальных проблем теории права продолжила в своем докладе **канд. юрид. наук, доц. Н.В. Варламова (ИГП РАН)**. Она подчеркнула, что сегодня едва ли не все юридические понятия и конструкции трактуются как ценности, которые выступают в качестве всеобщего эквивалента и синонима. При этом акцентируется положительная коннотация явления, выраженного в соответствующем понятии, а его собственно юридический смысл нивелируется. Между тем ценности всегда субъективны, поскольку они — результат индивидуальной оценки. Отсюда вытекает лукавый характер понятия социальных, объективных, универсальных ценностей. Ведь они фиксируют лишь тот факт, что позитивное восприятие тех или иных социальных институтов и практик достаточно широко распространено в сообществе, характерно для большинства его членов, доминирует над другими оценками. Ценностью те или иные объекты являются не в силу своей природы и объективно присущих им свойств, а благодаря их субъективной оценке. Это не исключает иных субъективных оценок и само по себе не может служить основанием для возложения обязанности придерживаться соответствующих правил — для этого нужны иные рациональные основания. И объявление какого-либо правового института или нормы социальной ценностью не усиливает, а ослабляет

рациональную аргументацию, обосновывающую необходимость следования им, поскольку навязывает человеку оценочные суждения, которые он, возможно, не разделяет, и принуждает действовать в соответствии с ними.

Более того, ценность в собственном смысле не сводится просто к положительной оценке и признанию полезности чего бы то ни было. Ценность — это нечто глубоко личностное и безусловно значимое для человека. В данном «узком» понимании ценности абсолютны, приверженность им носит безусловный и часто иррациональный характер, они требуют актуализации (воплощения в жизнь) и несоизмеримы с другими ценностями (не допускают ограничений). При этом ценность задает только общую направленность и конечную цель деятельности и не предлагает каких-либо критериев допустимости необходимых для ее достижения действий, кроме их эффективности. По мнению докладчика, данная природа ценностей, констатируемая философами и социологами, не отрефлексирована юристами. Только этим, считает Н.В. Варламова, можно объяснить широкое распространение ценностного дискурса в юридической доктрине и судебной практике, прежде всего в практике органов конституционного контроля. Так, «взвешивание» (или «балансирование») ценностей признается едва ли не универсальным способом решения всех юридических проблем. Но на деле обращение к ценностной аргументации чревато серьезными издержками, такими как произвольность и слабая мотивированность судебных решений, повышение конфликтности рассматриваемых споров. Гораздо более эффективной стратегией было бы сосредоточиться на сугубо правовых аспектах возникающих проблем и искать собственно юридические и максимально ценностно нейтральные пути их решения.

Иной подход к проблеме ценностей в праве был представлен в докладе **д-ра юрид. наук, проф. А.И. Клименко (Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя) «Перспективы развития правовых ценностей российского общества в контексте трансформации современной миросистемы»**, который развил тезис о том, что с точки зрения социологического подхода право можно представить в ценностном ракурсе как систему конвенциональных ценностей, формируемых в процессе правового дискурса. Сегодня, подчеркнул докладчик, мы наблюдаем кризис капиталистической миросистемы и, как следствие, трансформацию конвенциональных правовых ценностей как на международном уровне (о чем свидетельствует кризис международного права), так и на национальном. В этой ситуации основная тяжесть лежит на плечах трудящихся, что меняет классовый баланс сил и не может не сказаться на системе конвенциональных

правовых ценностей. То государство, которое быстрее трансформируется и социализируется, имеет все шансы стать лидером в трансформации и социализации всей миросистемы. В этом плане А.И. Клименко видит определенные возможности для России.

Проблемам правовой аксиологии был посвящен доклад канд. юрид. наук, проф. М.В. Антонова (Санкт-Петербургский филиал НИУ ВШЭ) «*Юридический позитивизм и аксиология права — мнимая несовместимость*», в котором автор изложил сомнения по поводу критериев деления на основные типы правопонимания и лежащих в его основе критериев. По мнению докладчика, для деления было бы достаточно указания на источники обязывающей силы права и их зависимость от моральных норм. Дополнительные же критерии только усложняют и запутывают классификацию, оказываются неприменимыми к конкретным теориям большинства мыслителей. Это заметно по описанию позиции позитивистов (легистов, легалистов и т.п.) как ущербной, узкой, отрицающей многоаспектность права. В логике такого описания позитивисты якобы отождествляют право и закон, рассматривают человека лишь как объект власти, а право — исключительно как команду суверена, отрицают неотчуждаемые права человека, обосновывают полное подчинение личности государству, приоритизируют формально-догматический анализ права и пытаются очистить право от разного рода непозитивных элементов вроде рассуждений о целях и ценностях. Это описание не подтверждается на основных учениях позитивизма — концепциях Г. Кельзена, Г. Харта, Дж. Раза, Е. Булыгина и других классиков. На заблуждении, по мнению М.В. Антонова, основан и такой критерий, как приписываемое позитивистам стремление очистить право от любых ненормативных элементов. Г. Кельзен и другие позитивисты писали лишь о том, что действие права не следует производить из внеположных позитивному праву источников, например из ценностей. Ведь тогда будет трудно избежать опасности того, что из этих источников в позитивное право проникнет идеология тех, кто формирует общественное мнение и его отношение к ценностям. Но требование того, чтобы юридическая сила права не ставилась в зависимость от ценностей, вовсе не равнозначно ни очищению права от ценностей, ни тезису о независимости процессов создания и применения права от оценочных суждений. Докладчик также подчеркнул, что позитивисты не более, чем представители других методологических подходов, склонны обосновывать идею о том, что человеку следует быть покорным властям, или что власти могут приказывать человеку все что угодно. Разные направления правовой и политической идеологии не имеют

необходимой связи с методами правопознания (типами правопонимания).

Тема позитивизма получила развитие в докладе канд. юрид. наук, доц. А.М. Михайлова (МГИМО) «*Проблема ограничения государственной власти правом: эволюция англо-американского и континентально-европейского юридического позитивизма*». Как отметил докладчик, отличительными особенностями концепций юридического позитивизма в Англии являются две черты: во-первых, эти концепции *формировались в оппозиции к профессиональной юридической традиции общего (прецедентного) права*, основывающейся не на принципе односторонне властного установления права сувереном, а на судебном обычае (*usus fori*); во-вторых, в отличие от юспозитивизма в Германии (К. Гербер, П. Лабанд, К.М. Бергбом и др.) представители данного правопонимания в Англии *не сводили право к кодифицированному закону*, не воспринимали его как завершенную непротиворечивую систему, из которой исключительно средствами формальной логики можно вывести правильные решения («статутный юридический позитивизм»). В традиции континентально-европейского юспозитивизма взгляды на соотношение государственной власти и права претерпели эволюцию от отрицания связанности суверенной власти правом — через концепции добровольного самоограничения государственной власти позитивным правом (Р. Йеринг, Г. Еллинек) — к отождествлению государственной власти и правопорядка (Г. Кельзен). Для английского юспозитивизма характерны не концепции самоограничения государственной власти правом и олицетворения государственной власти с правопорядком, а признание абсолютного суверенитета парламента (*Parliamentary supremacy*). При этом доктрина верховенства права (*Rule of Law*) нацелена лишь на ограничение широкой дискреционной, произвольно осуществляемой властью исполнительных органов (формальные концепции).

Доктор юрид. наук, проф. М.В. Немытина (Российский университет дружбы народов) проанализировала ход и тенденции развития человеческих сообществ как цивилизаций в сочетании с представлениями о культуре как эволюционном опыте, воспроизводящем образы, образцы и модели поведения, сохраняющем традиции и генерирующем инновации. Цивилизация и культура, подчеркнула она, — две категории, которые лежат в основе современных фундаментальных научных исследований и определяют парадигму познавательной деятельности в социально-гуманитарных областях знания, включая правоведение. На сегодняшний день юридические исследования все большее внимание уделяют осмыслению того, что право — это феномен цивилизации и культуры, что в силу принадлежности к цивилизации страны и населяющие

их народы имеют разные коды цивилизационно-культурного развития, определяющие преемственность их правовой жизни. В настоящее время в российском правоведении накоплен обширный материал, объясняющий исторический путь развития общества в широком контексте цивилизации и культуры. Вместе с тем в учебниках и пособиях для студентов по историко-правовым и теоретико-правовым дисциплинам существует неопределенность в главном — в объяснении причин и условий развития общества.

В докладе д-ра юрид. наук, проф. С.В. Кодана *«Интеллектуальная рецепция в системе культурно-познавательных средств развития философии права в России (XIX — начало XX столетия)»* акцентировалось внимание на интеллектуальной рецепции как культурно-познавательном средстве. Докладчик показал значение вовлечения в исследовательские философско-правовые практики трудов европейских философов права. На этой базе, подчеркнул он, в конце XIX — начале XX в. сложилась и затем развивалась отечественная философия права, которая творчески адаптировала и преломляла европейские подходы к развитию отечественной юриспруденции и образования.

Кандидат филос. наук, доц. М.А. Беляев (Университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)) выступил с докладом *«Формальное равенство в системе принципов регуляторной политики: проблемы реализации и потенциал применения»*. Отметив нарастающее проникновение в ткань нормативных предписаний различных формулировок из области стратегического планирования, как качественных, так и квазиколичественных, докладчик обратил внимание на непонимание лицами, ответственными за осуществление отдельных мер регуляторной политики, ее имманентных принципов. На примере трех стадий жизненного цикла регулирования (сокращение числа обязательных требований, оценка регулирующего воздействия, экспериментальное регулирование) было показано, в какой степени данные процессы отходят от принципа формального равенства, и как данная ситуация может быть скорректирована сугубо юридическими средствами.

Кандидат юрид. наук, доц. И.И. Осветимская (СПбГУ, ВШЭ) в своем выступлении на тему *«Между нормативностью и фактичностью: основание действительности права с позиции коммуникативной теории»* указала, что обязывающая сила права является достаточно проблемным вопросом для исследования, так как ответ на него обусловлен различными подходами к пониманию того, что представляет собой право. С этим обстоятельством связана вариативность размещения в основание действительности права тех или иных идей, принципов, феноменов, конструкций либо фактов. Так, представители

школы естественного права под действительностью подразумевают сообразность правовых установлений высшим идеальным началам (например, природе или Богу); сторонники юридического позитивизма ищут истоки нормативности права для обоснования его обязывающей силы; различные варианты психологического направления помещают в центр изучения чувство внутренней связанности правом; правовой реализм стремится обнаружить эффективность права и связывает обязывающую силу правовых норм с фактически сложившимся в обществе порядком отношений.

С точки зрения коммуникативной теории основанием действительности права выступает принцип взаимного правового признания суверенитета личности, который имеет как нормативное, так и фактическое измерение. Нормативность проявляется в обязательстве признавать за любой личностью нормативный статус человека как свободного и равного. Фактичность взаимного признания состоит в том, что оно представляет собой «жизненную потребность человека», укорененную в его психическом сознании. Если правовые тексты (и прежде всего законодательство) работают таким образом, что побуждают людей сообразовывать свое поведение согласно принципу взаимного признания суверенитета личности, то такие тексты получают обязывающую силу фактически и оправдываются теоретически, т.е. они являются действительными и «порождают» право.

Доктор филос. наук, проф. С.В. Тихонова (Саратовская государственная юридическая академия) обратилась к анализу пределов правовой свободы в творчестве немецкого философа А. Хоннета. Разработанная А. Хоннетом концепция признания, отметила она, расширяет представления об интересубъективном взаимодействии, его социальных и правовых эффектах. Проблему автономии субъекта философ пересматривает в фокусе проблемы признания. С позиций такого подхода степень автономного поведения индивида зависит от социального окружения и успешности интересубъективных стратегий в нем. Социализация — это процесс, в ходе которого человек учится понимать и признавать не только других, но и себя самого, доверяя в этом вопросе другим и полагаясь на них. Опыт юридического признания предполагает, что человек способен рассматривать себя как субъекта, разделяющего со всеми субъектами в своем сообществе качества, которые делают участие в дискурсивном волеобразовании возможным. Цель права — вывести формы признания из терминов классовых групп в общесоциальные категории, создав основу для самоуважения каждому члену общества и тем самым предпосылки социальной солидарности. В монографии *«Право свободы: очерк демократической нравственности»* (2011) А. Хоннет

определил пределы *правовой* свободы в деле формирования свободы *социальной*: правовая свобода создает «защитную стену», за которой человек может свободно рассматривать свои собственные цели и желания. При помощи закона задается форма индивидуальной свободы, условия существования которой индивид сам не может ни создать, ни поддержать. В хоннетовской триаде негативной, рефлексивной и социальной свободы правовая свобода выражает свободу негативную. Выдвинутое им понимание правовой свободы является таким элементом его концепции социальной свободы, который не способен самостоятельно обеспечивать человеческую автономию.

Кандидат юрид. наук **И. Ф. Мачин** (МГУ им. М.В. Ломоносова) в своем выступлении «*Личность и право: поиски гармонии*» рассмотрел вопросы человеческого измерения в праве и особое внимание уделил тому, как эта проблема решается в современных курсах общей теории права и государства. Он подчеркнул, что нельзя излагать вопросы права, абстрагируясь от понимания того, что есть человек. При этом он сослался на опыт блестящего российского правоведа Г.Ф. Шершеневича, который, выстраивая свой курс «Общая теория права» (1912), начинал его с рассмотрения следующих тем: «Человек и его потребности», «Общество», «Правила общежития» — и лишь затем переходил собственно к проблематике государства и права. Такая последовательность изложения материала позволила Г.Ф. Шершеневичу исключить представление о праве как о некоей безжизненной системе норм. Напротив, у читателей возникает понимание того, что право служит человеку, живущему *здесь и сейчас*. Докладчик обратился также к проблеме визуализации права и государства, предложив свою интерпретацию бронзовой статуи «Бесстрашная девочка», установленной в 2021 г. перед зданием Дома Правительства в Ереване. Именно таким образом, отметил он, удастся визуализировать назначение государства и права: служить живым людям здесь и сейчас, ежедневно напоминая о том, чему должны служить государство и право.

В выступлении канд. юрид. наук **Н.В. Колотовой** (ИГП РАН) был поднят вопрос трансформации моделей социального государства во взаимосвязи с проблемой обеспечения социальных прав. Социальная деятельность государства, правовой аспект которой может быть обоснован при помощи понятия «компенсаторность», введенного в научный оборот в трудах акад. В.С. Нерсисянца, в настоящее время претерпевает ряд существенных изменений. Новые глобальные тенденции на рынках труда (возрастание мобильности трудовой силы, кризисная миграция, доступность технических инноваций) делают необходимым расширение

набора инструментальных механизмов защиты социальных прав, распространение современных стандартов социальных и трудовых прав на новые виды занятости и т.д. Это повышает значимость универсализации социальных стандартов, но не отменяет развитие национальных моделей социальной защиты в соответствии со своими темпами экономического роста и сложившимися институциональными структурами социальной политики.

Кандидат ист. наук, доц. **Н.В. Исаева** (Ивановский государственный университет) обратила внимание на то, что юрико-антропологический анализ заставляет ориентировать исследования взаимодействия национального и международного права в направлении существующего в правовой реальности человека, для которого право понимается прежде всего как права и свободы. По ее мнению, для Конституции РФ и российской правовой системы в целом характерен европоцентризм в отношении прав и свобод, который вошел в мышление россиян. Международные нормы рассматривались российскими гражданами как дополнительный ресурс их правового самоопределения, а конвенциональные институты — как независимый от государства механизм защиты, когда реализация права не была обеспечена на внутринациональном уровне. После денонсации Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод возникает вопрос: в какие правозащитные институты может обратиться россиянин, если не находит справедливости в своем государстве? Возможно ли, например, вхождение России в азиатские конвенциональные институты? Сейчас намечается тенденция сотрудничества государств без оформления наднациональных структур. Возможно, это потребует от России совершенствования внутренних механизмов защиты прав и свобод человека, создания новых независимых правозащитных структур. Вместе с тем потребуются и формирование нового мировоззрения, в основе которого должно лежать предлагаемое В.С. Нерсисянцем понимание права как равенства в свободе, обеспечивающего свободное развитие формально равных людей, видящих в государственном патернализме исключительную, а не обычную практику общения, способных к рациональной коммуникации, ответственных за себя, за других и за государство.

Кандидат филос. наук, доц. **Б.А. Камкия** (Сочинский филиал РУДН) посвятил свой доклад проблеме правового регулирования, которая, по его мнению, еще не стала предметом специального философско-правового исследования. В учебниках по теории государства и права она встроена в тему «Механизм правового регулирования», где освещаются лишь внешние признаки и элементы такого механизма. Между тем правовое регулирование не сводится к наличию источников и институтов права,

т.е. к формам (средствам, способам) правового регулирования. Для полноценного осмысления этой темы необходимо определить цель правового регулирования, исходя из его онтологической (сущностной) характеристики. Как полагает докладчик, цель правового регулирования — это развитие человеческого потенциала. Не случайно древнеримские юристы определяли право как искусство добра (что в современном понимании можно увязать с человеческим потенциалом) и справедливости. Показательно, что добро стоит здесь на первом месте как целеполагание, а на втором месте — справедливость в значении масштаба (закона) как средства достижения цели. Таким образом, правовое регулирование невозможно без единства цели и средства, содержания и формы.

Кандидат юрид. наук А.В. Ульянов (ИНИОН РАН) проанализировал онтологические и гносеологические вопросы, связанные с наличием в системе права «нулевой нормы». Речь идет о правовом феномене, который в современном юридическом позитивизме обозначается такими терминами, как «основная норма» или «правило признания». В системе права эта исходная норма является изначальной нормативной основой для общих и индивидуальных правоположений, но сама уже не нуждается в предпосылках подобного рода. «Нулевая норма» закрепляет выбор права в качестве приоритетного регулятора общественных отношений, описывает признаки права и устанавливает обязанность подчинения праву. Однако из суждения о признаках выбранного права-регулятора невозможно логическим путем вывести нормативное суждение об обязательном подчинении праву, т.е. суждение должностования. Связующим звеном между этими элементами-суждениями, позволяющим сохранить целостность и внутреннее тождество «нулевой нормы», могло бы быть ее волевое содержание. Научное обоснование реального волевого содержания указанной нормы предполагает выход за методологические границы юридического позитивизма и разработку понятия о регулятивной функции правосознания.

Кандидат юрид. наук, доц. Е.Н. Тонков (РАНХиГС при Президенте РФ) посвятил свой доклад анализу действующих моделей толкования права. Он обратил внимание на то, что текст нормативного акта — лишь базовое правило, а творческое воображение интерпретатора может довести его применение до акта *contra legem*. Актуальной теоретической проблемой, с точки зрения докладчика, является неразработанность в российской юриспруденции юридической догматики толкования права, ее несоответствие тенденциям юридической практики. Важно осознавать, что интерпретатор толкует не только нормы, но и факты, а также правоотношения, возникшие на основе норм и фактов. При

этом нужно учитывать, что правоприменитель зачастую действует в первую очередь не в интересах права, а для сохранения и укрепления своего институционального статуса, влияющего на уровень его благосостояния. Среди моделей толкования права Е.Н. Тонков выделил следующие: 1) состязательную (конкуренция аргументов и взвешивание ценностей); 2) иерархическую (вертикаль публичной власти); 3) экстралегальную (коррупционное направление, стиль умолчания, интуитивный подход). Нам необходимо, подчеркнул он, глубже проникнуть в сущность такого правового явления, как модель правоприменительного толкования права.

Некоторые доклады были сфокусированы на проблемах юридического образования, и прежде всего преподавания философии права и смежных с ней дисциплин. Так, **д-р юрид. наук, проф. К.Е. Сигалов (РУДН, Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников МВД России)** сделал акцент на значимости классического юридического образования — со всеми его кажущимися на первый взгляд «излишествами», такими как курсы логики, философии права, правовой теории государства, римского права, латинского языка, истории политических и правовых учений; углублёнными курсами истории права и государства, разделением самого курса теории государства и права на 2–3 части, преподаваемые на разных этапах обучения. При этом К.Е. Сигалов указал, что важным элементом системы юридического образования должно стать преподавание курса, условно называемого «этногосударственное правоведение», в рамках которого следует, наряду с другими проблемами, рассматривать также основы различных направлений религиозного права и давать будущим юристам навыки работы с представителями религиозных конфессий и религиозных учреждений. Российское юридическое образование должно, по его мнению, вернуться к практике преподавания Моисеева (иудейского) права, как это было в императорской России и как это имеет место в современных университетах мирового уровня. Римское право также не должно быть лишь «введением в курс гражданского права» (как это принято сегодня в отечественной цивилистике), поскольку римское право несет в себе исключительно важный для развития юриспруденции цивилизационный посыл. Серьезным трендом юридического образования в России должен стать отказ от поверхностного и начётнического преподавания таких дисциплин, как история государства и права, а также история в целом.

Доктор юрид. наук, д-р полит. наук, проф. И.А. Иванников (Сочинский филиал РУДН, Сочинский филиал Всероссийского государственного университета юстиции Российской правовой академии Минюста России) посвятил свой доклад

определению объекта, предмета и метода исследования философии права, выявлению их отличия от объекта, предмета и метода теории права. Это, с его точки зрения, необходимо для обоснования философии права как положительной науки. Докладчик поддерживает высказываемое в литературе предложение о создании такой теории права, которая не только учитывала бы национальные традиции, но и могла бы вписать их в контекст мировой философско-правовой мысли. По мнению И.А. Иванникова, философия права — это наука, предметом изучения которой являются вопросы генезиса и сущности права, соотношения права с властью, свободой и справедливостью, соотношения права с моралью и иными социальными нормами. Учебная дисциплина «Философия права» представляет собой определенную совокупность знаний о науке философии права, которые в определенном объеме при помощи дидактики доводятся до сведения обучающихся. Наука философии права охватывает всю палитру проблем философии права, а философия права как учебная дисциплина — лишь ту их часть, которая необходима для подготовки высокообразованных юристов.

* * *

Философские чтения завершились выступлением **Д.Е. Тонкова**, поделившегося своими впечатлениями от участия в прошедшем 3–8 июля 2022 г. в Бухаресте (Румыния) XXX Всемирном конгрессе

Международной ассоциации по философии права и социальной философии (IVR), ведущая тема которого была обозначена как «*Справедливость, Сообщество и Свобода*». В подготовленной им презентации был дан обзор пленарных докладов конгресса, а также общая характеристика секций, посвященных следующей тематике: «Эмпирические подходы и их значение для философии права»; «Бытие и возможность права»; «Философия прав человека: вопросы достоинства и социального конструирования»; «Предсказанное правосудие: междисциплинарный подход между философией права, юридическим сравнением и информатикой»; «Этика, эпистемология и социальные институты»; «Брак, плюрализм и права человека в Европе»; «Центральная и Восточноевропейская Сеть Юристов — наша работа продолжается»; «Разделительный тезис права и морали»; «Кризис демократической легитимации»; «Языки права: терминологии и их использование»; «Конструирование возникающих прав: дебаты об основе новых конституционных стандартов»; «Справедливость и бытие — беседа для тех, кто находится под влиянием немецкой философии права»; «Предубеждения в юридической аргументации и принятии судебных решений». В конце своего доклада Д.Е. Тонков призвал возродить российскую секцию Международной ассоциации по философии права и социальной философии на базе одного или нескольких научных заведений России.

Сведения об авторах

КОЖОКАРЬ Игорь Петрович —

доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

ЛАПАЕВА Валентина Викторовна —

доктор юридических наук, главный научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

KOZHOKAR Igor P. —

Doctor of Law, Leading Researcher of the Sector of Philosophy of Law, History and Theory of State and Law of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenska str., 119019 Moscow, Russia

LAPAEVA Valentina V. —

Doctor of Law, Chief Researcher of the Sector of Philosophy of Law, History and Theory of State and Law of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenska str., 119019 Moscow, Russia